

И. Х. БАГРАМЯН

Маршал Советского Союза
Герой Советского Союза

КРАХ ОПЕРАЦИИ «ЦИТАДЕЛЬ»

(Победа Советских войск под Орлом и Брянском) *

Войскам Брянского фронта и 11-й гвардейской армии было приказано завершить подготовку к наступлению против орловской группировки противника. Главные силы армии еще оставались рассредоточенными. Некоторые дивизии находились в 100 и более километрах от переднего края. Задачи нашей армии оставались теми же, что были сформулированы еще в мае. Переход в общее наступление был назначен на 12 июля. В течение трех ночей с 8 по 11 июля в соответствии с планом нам предстояло вывести в первую линию шесть стрелковых дивизий, четыре танковые бригады, два танковых полка и всю массу артиллерии. Ударная группировка армии к утру 11 июля полностью сосредоточилась в указанных районах.

Командование 11-й гвардейской армии буквально под носом у врага подготовило крупную наступательную операцию, которая ставила под угрозу проведение плана его действий на орловско-курском направлении, а он не только не знал о ней, но и вообще не подозревал, что на данном участке планируется удар советских войск. Это, несомненно, послужило одной из серьезных предпосылок нашего последующего успеха. Характерно, что спустя много лет после войны это подтвердили бывший командующий 2-й немецкой армией генерал-полковник Хейнрици и известный историк второй мировой войны Гаук. «После первых четырех дней битвы (имеется в виду начало немецкого наступления на обоих флангах Курского выступа.— И. Б.) на соседних участках фронта на Орловской дуге и под Харьковом,— писали они,— не было пока никаких признаков подготовки русского наступления... Планы противника о действиях на этих участках все еще не были ясны»¹. Таким образом, даже за три-четыре дня до начала наступления 11-й гвардейской армии противник не имел абсолютно никаких сведений о подготовленном нами прорыве его фронта.

Мнимая «пассивность» советских войск на Орловском выступе дала возможность врагу свободно располагать резервами. «Пассивность противника на Донецком участке и на Орловской дуге, казалось, позволяла решить исход битвы введением резервов. 9 июля Гитлер удовлетворил многократные ходатайства командования группы армий «Юг» и разрешил ему использовать резервы. Группа армий «Центр» тоже решила использовать два соединения из своих резервов — 10-ю моторизованную и 36-ю пехотную дивизии, находившиеся в это время в районе Орла»².

Но и это оказывается еще не все! Именно 11 июля, когда мы начали разведку боем, т. е. фактически показали врагу полосу направления наших наступательных усилий, командование группы армий отдало приказ о введении в сражение упомяну-

* Окончание. Начало см. в № 2 нашего журнала.

¹ G. H e i n r i c i, W. H a u k. «Zitadelle». — «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1965, № 10, S. 587.

² Ibid., S. 588.

тых резервов на участке 9-й армии, поскольку оно оценило наши намерения, как весьма ограниченные, имеющие целью сковать эти две-три резервные дивизии. «Когда 11 июля в районе 2-й танковой армии, — отмечали Хейнрици и Гаук, — внезапно начались атаки советских полков и батальонов, основываясь на прежнем поведении противника, наше командование сочло, что эти атаки имеют целью сковать находящиеся на Орловском плацдарме немецкие резервы и тем самым воспрепятствовать их участию в ударе на Курской дуге. Командование группы армий «Центр» и 2-й танковой армии придали этим атакам совершенно иное значение, сравнительно с тем, какое они имели в действительности»³. Враг был в полном неведении.

Стремясь ввести противника в заблуждение, а также уточнить его оборону и огневые средства, мы решили провести утром 11 июля разведку боем, причем таким образом, чтобы врагу показалось, будто началось наступление наших главных сил. В ночь на 11 июля авиация дальнего действия произвела два бомбардировочных налета по 100 самолетов каждый по основным узлам вражеского сопротивления, при этом наиболее сильный удар пришелся по главному узлу обороны — Дудино. На рассвете позиции гитлеровцев подверглись вновь короткому, но мощному артиллерийскому и авиационному удару. Чтобы скрыть численность атакующих, штурмовая авиация поставила дымовую завесу перед его передним краем.

В 3 ч. 30 м. дружно двинулись в атаку специально выделенные передовые батальоны (по одному от каждой стрелковой дивизии первого эшелона армии). Их атака была бурной и стремительной. Впереди шли коммунисты и комсомольцы. Главная задача разведки боем — вскрыть систему огня противника, уточнить цели для завтрашней артиллерийской подготовки, создать у него впечатление, что началось общее наступление — блестяще удалась. Внезапная атака передовых батальонов оказалась успешной во всех отношениях, они на ряде участков захватили первую траншею и даже ворвались в деревни Глинная и Жуково. По всему фронту наступления завязались ожесточенные бои, дело дошло до рукопашных схваток. Не на шутку встревоженное командование 2-й танковой армии гитлеровцев начало бросать в контратаки свои ближайшие тактические резервы. Из показаний пленных явствовало, что враг принял наши действия за начало наступления главных сил. О том, что командование вермахта было введено в заблуждение, свидетельствует и то, что гитлеровские генералы даже спустя много лет после этих событий в своих послевоенных писаниях утверждают, будто наступление советских войск началось 11, а не 12 июля. «Значительные силы русских, — писал генерал фон Бутлар, — которые не были скованы действиями в районе Курска, 11 и ю л я (разрядка наша. — И. Б.) перешли в наступление с севера и востока против войск 2-й танковой армии, оборонявшейся севернее района операции под Орлом»⁴. Этим же днем датирует начало нашего наступления также и генерал Типпельскирх⁵.

Уже в половине девятого утра 11 июля стало ясно, что противник не покинул первой полосы своей обороны. Поэтому я распорядился уточнить план артподготовки и отдал боевой приказ о переходе армии на следующий день в общее наступление. 16-му гвардейскому стрелковому корпусу под командованием генерал-майора А. В. Лапшова предстояло прорвать главную полосу обороны врага на участке Глинная, Серая, нанося главный удар левым флангом в направлении Дудино, Дубна. Пустой. К исходу первого дня наступления главные силы корпуса должны были овладеть рубежом: Озерны, Желябово, Медынцево. Чтобы не дать неприятелю возможность отойти на промежуточный рубеж обороны, генералу А. В. Лапшову предстояло немедленно ввести в прорыв две танковые бригады. Танкисты совместно с передовыми отрядами дивизии получили задачу к исходу дня прорваться к р. Рессете и пресечь попытки врага подбросить резервы со стороны Еленска на Дудоровский. 8-му гвардейскому стрелковому корпусу генерал-майора П. Ф. Малышева предстояло нанести главный удар своим правым флангом, прорвать главную полосу обороны противника с целью овладеть рубежом Белый Верх, Перестраж. В дальнейшем, обеспечив после преодоления р. Фомины ввод 5-го танкового корпуса в прорыв, развить совместно

³ Ibidem.

⁴ «Мировая война 1939—1945 гг.». М., 1957, стр. 212—213.

⁵ К. Т и п е л ь с к и р х История второй мировой войны. М., 1956, стр. 314

с ним успех на юг. 36-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора А. С. Ксе-нофонтова, имея в первом эшелоне 18-ю гвардейскую дивизию, наносил главный удар в направлении Марьино, Дебри, Сорокино с тем, чтобы овладеть рубежом Перестряж, Слободка.

5-й танковый корпус генерал-майора М. Г. Сахно вводился в прорыв в полосу наступления 8-го гвардейского стрелкового корпуса. При поддержке огня двух пушечных бригад и ударов авиации он должен был прорвать вторую полосу обороны в районе Ульянова. 1-й танковый корпус под командованием генерал-майора В. В. Буткова готовился двинуться в прорыв вслед за 5-м танковым корпусом, как только обстановка станет для этого благоприятной. В моем резерве оставалась 108-я стрелковая дивизия.

На рассвете 12 июля в 3 ч. 20 м. началась артиллерийская подготовка, длившаяся 2 ч. 40 м. Земля буквально содрогалась. В артиллерийской подготовке участвовало до трех тысяч орудий и минометов, из них более 1300 — калибра 120-мм и выше и более 450 гвардейских минометов. Средняя плотность артиллерии составляла 210 орудий и минометов на 1 км участка прорыва, а на направлении главного удара армии в полосе 8-го гвардейского стрелкового корпуса — почти 245 орудий и минометов на 1 км, не считая установок гвардейских минометов. Успех артиллерийской подготовки был полный. Пехота и огневые средства противника, расположенные в траншеях и укрывшись в блиндажах, были почти уничтожены, а оборонительные сооружения — дзоты, блиндажи, бронеколпаки и пулеметные гнезда — разрушены. Впоследствии удалось установить, что из 25 артиллерийских батарей, которые были разведаны и по которым велся огонь, 13 были уничтожены полностью вместе с их огневыми расчетами, 12 батарей понесли большие потери в материальной части и личном составе. По показаниям плененных, захваченных 12 июля, части 211-й и 293-й пехотных дивизий, занимавшие первые две позиции обороны, потери 50—60 % личного состава. Одной из особенностей этого прорыва является то, что наша артиллерия вела огонь по точно засеченным целям, заблаговременно разведанным и распределенным между артиллерийскими частями.

Не успела закончиться артподготовка, как над передним краем появилось 70 наших бомбардировщиков, обрушивших смертоносный груз на врага. Их вел командир 204-й бомбардировочной авиационной дивизии полковник С. П. Андреев. Вслед за ними шло около 80 штурмовиков. Под прикрытием огня артиллерии и ударов авиации подразделения первого эшелона приблизились к переднему краю немецкой обороны на 150—250 м, окопались и приготовились к атаке.

В 6 ч. 05 м. пехота и выдвинувшиеся с исходных позиций танки ворвались на передний край и, продвигаясь вперед при непрерывной огневой поддержке артиллерии, к 8 ч. 30 м. овладели первой позицией главной полосы обороны. Дудино — основной узел сопротивления — пало к 10 часам. Здесь было окружено и пленено свыше 400 солдат и офицеров врага. Видя, что прорывом первой позиции вражеская оборона значительно надломлена, а противотанковая система серьезно нарушена, я дал сигнал на ввод в бой четырех танковых бригад, и они двинулись в глубь обороны как подвижные отряды дивизий с десантом пехоты на броне. В полосе 11-й гвардейской дивизии генерал-майора И. Ф. Федюпкина успешно вступила в бой 43-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника М. П. Лукашова. Смело обходя с востока узел сопротивления противника в Дудино, бригада, уничтожая на своем пути уцелевшие группы неприятеля, устремилась в глубь обороны для захвата второй позиции. С 18-й гвардейской стрелковой дивизией полковника М. Н. Завадовского весьма успешно взаимодействовала 213-я танковая бригада под командованием подполковника В. С. Гаева. Такими же успешными были действия 29-й танковой бригады в полосе наступления 31-й гвардейской дивизии.

Особенно внимательно пришлось следить мне за ходом наступления частей 8-го гвардейского корпуса генерала П. Ф. Малышева, в полосе действий которого намечался ввод в прорыв 5-го танкового корпуса генерала М. Г. Сахно. События здесь развивались довольно благоприятно. Оборонявшиеся в полосе наступления корпуса 510-й и 512-й пехотные полки 293-й пехотной дивизии и поддерживавшая их артиллерия в количестве 15—17 артиллерийских и минометных батарей понесли большие потери.

В 15 ч. 30 м. начальник оперативного отдела армии полковник Ф. Н. Бобков доложил, что р. Фомина форсирована пехотой и отдельными группами танков почти на всем участке наступления обеих дивизий 8-го корпуса. Теперь настал срок вводить в бой 5-й танковый корпус. Находившийся на моем наблюдательном пункте командующий фронтом генерал-полковник В. Д. Соколовский вначале высказал, было, сомнение, но, подумав, согласился со мной. И я приказал командиру 5-го танкового корпуса генералу Михаилу Гордеевичу Сахно дать сигнал движения своему первому эшелону. Очень подвижный, худощавый, небольшого роста, в ладно спитом, сидевшем на нем щеголевато кителе М. Г. Сахно был внешне очень привлекателен, смотрел на всех весело, чуть прищуренными с украинской хитринкой глазами. Он был прославленным танкистом, отличился еще в смоленском сражении на знаменитой Соловьевской переправе в июле — августе 1941 г., когда, будучи командиром танкового полка, сумел обеспечить в неимоверно трудных условиях отход через Днепр на восток ряда частей 20-й, 16 и 19-й армий, оказавшихся в тяжелом положении.

Прошло не более четверти часа после того, как я отдал приказ генералу М. Г. Сахно о вводе его корпуса, как принесли телеграмму на имя В. Д. Соколовского, в ней говорилось: «Товарищ Жуков приказал особое внимание обратить на своевременный ввод в прорыв танковых корпусов. Принять все меры к тому, чтобы не опоздать. *Покровский*»⁶. В 16 ч. 5-й танковый корпус начал выдвигаться в прорыв, имея в строю 96 танков «Т-34» и 40 легких танков. Темп движения и выхода частей корпуса к рубежу развертывания был невысок из-за больших разрушений на маршрутах движения, вызванных огнем нашей артиллерии, и скопления на некоторых их участках артиллерийских частей, выдвигавшихся на новые огневые позиции. В силу этих досадных обстоятельств к рубежу развертывания бригады корпуса начали подходить только к 20 часам.

Приняв необходимые меры для беспрепятственного выдвижения 5-го танкового корпуса к рубежу развертывания, вскоре я с разрешения командующего фронтом выехал на командный пункт командира 8-го гвардейского стрелкового корпуса, в полосу наступления которого вводился в прорыв корпус М. Г. Сахно. Здесь меня встретил всегда внешне невозмутимо спокойный генерал Петр Федорович Малышев. П. Ф. Малышев — коренастый, невысокого роста человек с гладковыбритой головой и небольшими седеющими усами — был командиром, обладавшим большой проницательностью, выдержкой и нестигаемым упорством в осуществлении намеченной цели. В 1935 г. он окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, в начале 1943 г. вступил в партию. Участвуя в боях с первых дней войны, П. Ф. Малышев испытал и драматизм окружения, и горечь отступления. Будучи начальником гарнизона Смоленска, он, приказав взорвать мосты через Днепр, спас тем самым южную часть города от немедленного захвата немецкими танкистами.

С командного пункта генерала Малышева мы наблюдали за действиями танкистов 5-го танкового корпуса. В 20 ч. 30 м. они прошли через боевые порядки пехоты и совместно с ней атаковали противника. Невзирая на упорное сопротивление врага, танкисты М. Г. Сахно при поддержке артиллерии и ударов с воздуха штурмовой авиации продолжали настойчивые атаки. Некоторого успеха добилась 41-я танковая бригада полковника А. С. Алаева, которая с приданным одним батальоном 5-й мотострелковой бригады к полуночи заняла опорные пункты Фурсово и Ульяново 1-е. Для развития успеха 41-й бригады генерал Сахно бросил 70-ю танковую бригаду полковника С. П. Коротеева, которая, быстро форсировав р. Фомину, овладела Ульяново 2-е и глубокой ночью вышла в лес севернее Крапивны⁷.

Когда поздно вечером мы подвели итоги первого дня наступления, то оказалось, что войска нашей армии, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, углубились в расположение его обороны на 8—10 км и овладели всеми основными опорными пунктами и узлами сопротивления как на переднем крае, так и в глубине главной полосы обороны. В этот день войсками армии было захвачено в плен свыше 700 солдат и офицеров, взято большое количество орудий и минометов, стрелкового вооружения, боеприпасов, автомашин и другого военного имущества.

⁶ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 325, л. 298.

⁷ Архив МО СССР, ф. 19197, оп. 378109, д. 1. л. 32.

К полуночи мы получили первую весть о результатах наступления нашего соседа слева — 61-й армии Брянского фронта. К нашей радости, войска армии генерал-лейтенанта П. А. Белова в первый же день добились обнадеживающего успеха. Наступая своей ударной группировкой на Болхов с северо-востока, они вклинились в оборону противника на 12-километровом участке на глубину от 3 до 7 км. На такую же глубину продвинулись и главные силы этого фронта — 3-я и 63-я армии под командованием генерал-лейтенантов А. В. Горбатова и В. Я. Колпакчи, наступавшие на орловском направлении. Они вынуждены были вести ожесточенные бои в глубине обороны противника, уничтожая многочисленные вражеские опорные пункты. Но командованию Брянского фронта в этот день не удалось ввести в прорыв танковые корпуса⁸.

Утром 13 июля войска 11-й гвардейской армии после короткой артиллерийской подготовки возобновили свои атаки на всем фронте. Наступление в первой половине дня развивалось с большими трудностями. Почувствовав реальную угрозу удара нашей армии с севера, гитлеровское командование приняло все меры, чтобы не допустить продвижения советских войск во фланг и тыл орловской вражеской группировки. Противник отчаянно сопротивлялся. Темп нашего продвижения замедлился. Учитывая, что авиаразведка еще утром обнаружила подход с юго-востока к р. Вытебети крупных танковых и моторизованных колонн противника, я решил возможно быстрее нарастить наши усилия на медынецком направлении против частей 5-й танковой дивизии немцев. В целях разгрома этой дивизии был введен в бой 1-й танковый корпус, которому удалось во взаимодействии с 1-й гвардейской стрелковой дивизией только после упорного сражения к вечеру 13 июля сломить сопротивление врага. 5-й танковой дивизии был нанесен тяжелый удар. Она потеряла большое количество танков, ее боеспособность была значительно снижена.

Командир 1-го танкового корпуса Василий Васильевич Бутков был решительным и настойчивым в достижении поставленной цели военачальником, он прославился со своим соединением еще во время Сталинградской битвы. В первые же дни боев танкисты корпуса покрыли себя неувядаемой славой. Навсегда остался в памяти беспримерный подвиг 20-летнего коммуниста командира взвода разведки 89-й танковой бригады этого корпуса лейтенанта Николая Петровича Прудкого. В период боевых действий с 13 по 16 июля он проявил образцы доблести, мужества и отваги, беспредельную преданность воинскому долгу, действовал решительно и смело. 15 июля 1943 г. Н. П. Прудкий со своим взводом был послан в разведку в д. Крутицы, где находился узел сопротивления противника. Умело используя местность, он внезапно атаковал врага с тыла и внес полное замешательство в его ряды и тем самым помог бригаде без потерь овладеть д. Крутицы.

16 июля 1943 г. Н. П. Прудкий, двигаясь в головной походной заставе, встретил вражескую засаду в районе д. Красниково Орловской области. Завязав бой, он метким прицельным огнем уничтожил огневые точки противника. Снаряд попал в его машину, которая загорелась, а сам командир взвода был ранен. Но Н. П. Прудкий продолжал разить врага. Вторым снарядом ему перебило обе ноги; истекая кровью, он не покинул машину до тех пор, пока не передал данные о противнике. Н. П. Прудкий погиб как герой. За исключительный героизм, проявленный в боях с врагом, Н. П. Прудкому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Большого успеха в этот день достигли части 8-го гвардейского и 5-го танкового корпусов. Действия этих корпусов заслуживают того, чтобы о них рассказать подробнее. В полосе их наступления с рассветом 13 июля немцы предприняли одну за другой несколько ожесточенных контратак, в каждую из них бросалось до двух пехотных батальонов при поддержке 15—30 танков и штурмовых орудий. Танкисты и гвардейцы, отразив эти контратаки, подбили и сожгли 34 вражеских танка, из них 3 «тигра», уничтожили до 300 человек пехоты⁹. После отражения контратак артиллерия 8-го гвардейского стрелкового корпуса произвела мощный 10-минутный огневой налет, сосредоточив на участке 2—2,5 км более 250 орудий и минометов. Одновременно самолеты 224-й штурмовой авиадивизии полковника М. В. Котельникова нанесли удар

⁸ Г. А. Колтунов, Б. Г. Соловьев. Курская битва. М., 1970, стр. 214.

⁹ Архив МО СССР, ф. 666, оп. 22565, д. 2, л. 197.

по артиллерии противника и скоплению танков в районе Медынцево. Тавкисты генерала М. Г. Сахно возобновили наступление. 24-я танковая бригада под командованием полковника В. С. Сытника совместно с частями 11-й гвардейской стрелковой дивизии генерала И. Ф. Федюнькина и 43-й гвардейской танковой бригадой подполковника Л. Ф. Олейника обошли с запада Старицу и после упорного боя ворвались в нее и затем прорвали на этом участке вторую полосу обороны противника. Бригады 5-го танкового корпуса незамедлительно устремились на юг, наступление танковых частей привело к значительному успеху — быстрому развитию прорыва. Вслед за танковыми бригадами корпуса М. Г. Сахно устремились передовые отряды, а затем и главные силы стрелковых дивизий 8-го гвардейского корпуса. Решительно преследуя отходящие части, танкисты к исходу дня глубоко вклинились на узком участке местности в расположение противника. Используя овраги и леса, неприятель после прохода танков на ряде участков вновь организовал оборону, сдерживая темпы наступления стрелковых частей.

Особенной стремительностью отличались действия 70-й танковой бригады 5-го танкового корпуса. Этой бригадой командовал отважный полковник С. П. Коротеев. Еще ночью она совершила быстрый рывок в южном направлении и с ходу на рассвете ворвалась в Крапивну. А затем, продолжая быстрое продвижение на юго-восток, к полудню 13 июля вышла к мосту через р. Вытебеть, восточнее Ягодная, далеко оторвавшись от главных сил своего корпуса¹⁰. В ходе броска бригады наиболее решительно и смело действовал ее передовой отряд — 262-й танковый батальон под командованием коммуниста майора Семена Исааковича Чубукова. Его батальон отличился с самого начала наступления. Преодолев р. Фомину, танкисты дерзким ударом в ночь на 13 июля в кромешной темноте захватили районный центр Ульяново 2-е. Удар этот был нанесен столь умело и внезапно, что застигнутый врасплох враг бежал, очертя голову, бросив вооружение, боеприпасы и все свое имущество и снаряжение. С. И. Чубуков, используя фактор внезапности, во главе одного из взводов двинулся к д. Крапивна. На броню танков были посажены автоматчики. Командирская машина на предельной скорости первой ворвалась в деревню. Танкисты уничтожили расположившуюся здесь артиллерийскую батарею и стали утюжить вражеские окопы, разрушать заграждения. Вскоре в Крапивне не осталось ни одного гитлеровца. Враг поспешно бежал в Ягодную.

Покончив с гарнизоном Крапивны, майор С. И. Чубуков с передовым отрядом двинулся по маршруту Чухлово, Мелехово, на Ягодную. Под Чухлово завязался ожесточенный бой. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно, так как эта деревня, превращенная в узел сопротивления, прикрывала подступы к штабу крупного соединения. Чубукову удалось обнаружить и перерезать многожильный кабель, ведущий к немецкому штабу. В результате дерзкого удара среди фашистов началась паника. Воспользовавшись этим, танкисты захватили две штабные машины с документами. Развивая успех, 262-й батальон подошел к д. Мелехово, которая после уличного боя тоже перешла в наши руки. Здесь С. И. Чубуков был ранен, но поля боя не оставил, пока командир бригады категорически не приказал ему отправиться в медсанбат. В дальнейшем батальон совместно с танковым десантом — стрелковым батальоном 250-го гвардейского стрелкового полка — первым форсировал р. Вытебеть, завязав бой за д. Ягодная, а затем овладел ею, разгромив противника¹¹.

Итак, 262-й танковый батальон за восемь часов непрерывных боев освободил семь населенных пунктов, превращенных в узлы сопротивления, уничтожил до полутора сотен вражеских солдат и офицеров, одиннадцать орудий, пять автомашин с боеприпасами, обоз с военными грузами, крупный немецкий штаб. Важным результатом танкового рейда в глубь обороны врага были также ценные сведения, полученные от пленных, захваченных танкистами. Потери батальона составили два поврежденных танка и два легкораненых солдата. За умелое руководство передовым отрядом, личное мужество, храбрость и боевое умение С. И. Чубукову было присвоено звание Героя Советского Союза.

¹⁰ Там же.

¹¹ Архив МО СССР, ф. 7611, оп. 382870, д. 1, л. 32.

Несмотря на успех танкистов М. Г. Сахно и гвардейцев П. Ф. Малышева на обоих флангах пробитой ими в обороне врага глубокой, но узкой брешы, положение войск армии продолжало оставаться еще сложным и требовало осмотрительности. В самом деле, 1-й танковый корпус еще не справился с главными силами 5-й танковой дивизии и двух пехотных полков противника, пытавшихся из района Медынцево нанести удар на северо-восток, под основание нашего прорыва, а 25-я мотодивизия гитлеровцев начала настойчивую контратаку против частей 84-й гвардейской дивизии 36-го гвардейского корпуса. Со второй половины дня 13 июля резко возросла активность вражеской авиации. Фашистские пикирующие бомбардировщики группами по 20—30 самолетов непрерывно наносили удары по боевым порядкам танковых и стрелковых корпусов. Всего за день противник произвел свыше 300 самолето-вылетов. К тому же нам стало известно, что с юго-востока подходили крупные колонны танковых и моторизованных войск противника.

Учитывая все это и прежде всего обстановку, создавшуюся к полудню 13 июля, я приказал генералу М. Г. Сахно закрепиться на достигнутом рубеже, заняв круговую оборону, и присоединить 70-ю танковую бригаду, которая далеко оторвалась от главных сил корпуса. Текст отданного мною командиру 5-го танкового корпуса приказа гласил: «5-я танковая дивизия противника атакует из района Холмищи, Медынцево, Дудорово. Вторая группа противника — пехот с танками — атакует на Долгая¹², 5-му танковому корпусу после разгрома контратакующего противника выполнять ранее поставленную задачу. 70-ю танковую бригаду вернуть из Ягодная и держать корпус компактно»¹³. В соответствии с этим приказом 70-я бригада присоединилась к корпусу, находившемуся в районе д. Крапивна.

Как уже отмечалось, 13 июля успешно действовали и соединения правофлангового 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А. В. Лапшова. Продвигаясь через леса на Хатьково и Моилово, его части обходным маневром овладели рядом опорных пунктов и совместными действиями севернее д. Озерны окружили 306-й полк 211-й пехотной дивизии, который к исходу дня был полностью ими разгромлен. В ходе наступления частей 169-й стрелковой дивизии 16-го гвардейского корпуса отличился командир батареи 76-мм орудий ростовчанин Петр Евпифович Татаркин. 13 июля в лесном массиве в полуторах километрах западнее д. Озерны он поддерживал со своей батареей стрелковый батальон 434-го полка. Враг вдвое превосходящими силами контратаковал батальон и обошел его. Положение стало угрожающим. Смелый офицер, оставив у орудий по одному человеку из расчета, остальных артиллеристов повел в штыковую атаку. За ними двинулись и пехотинцы. В результате ожесточенной рукопашной схватки гитлеровцы были отброшены, чему содействовали и те батареи, которые остались у орудий. Они в упор расстреливали наседавших фашистов. Во время рукопашной схватки П. Е. Татаркин был ранен в руку, но остался в строю и продолжал командовать батареей. Позднее в бою за д. Волобуево Знаменского района Орловской области он героически пал, сраженный осколком снаряда. За героизм и мужество, проявленные П. Е. Татаркиным в боях с врагом, он был удостоен звания Героя Советского Союза¹⁴.

В целом на участке 16-го гвардейского корпуса наступление развивалось успешно. Мне вспомнился трагический случай, который произошел в районе Медынцево с командиром 16-го гвардейского корпуса. Во время боя артиллеристы подбили там несколько немецких танков «тигр», впервые примененных на нашем участке фронта. Командир корпуса генерал-майор А. В. Лапшов, очень экспансивный человек, загорелся желанием немедленно их осмотреть. Захватив с собой командующего артиллерией корпуса генерал-лейтенанта Л. А. Мазанова¹⁵ и адъютантов, он выехал в Медынцево, где они нарвались на засаду гитлеровцев. В завязавшейся перестрелке ко-

¹² Имелась в виду контратака 25-й мотодивизии противника.

¹³ Архив МО СССР, ф. 7611, оп. 382870, д. 1, л. 35.

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 2424, л. 336.

¹⁵ Генерал Л. А. Мазанов занимал штатную должность командующего артиллерией 10-й гвардейской армии. Будучи прикомандированным к нашей армии на время операции, он исполнял обязанности командующего артиллерией 16-го гвардейского стрелкового корпуса.

мандир корпуса и его адъютант были убиты, а командующий артиллерией ранен и захвачен в плен. Адъютант же генерала Мазанова чудом спасся, от него мы и узнали подробности. На войне, как известно, без жертв не обходится, но эта потеря, очень чувствительная для нас, была отнюдь не неизбежна. Несколько позже, в ходе операции, нам удалось захватить некоторые документы противника, в их числе оказался протокол допроса генерала Мазанова. Из него выяснилось, что он вел себя мужественно, старался на допросе всячески запутать врага, что в известной степени ему удалось. Об этом я немедленно доложил командованию фронта. После окончания войны генерал Мазанов возвратился на Родину и до 1953 г. продолжал службу в Советских Вооруженных Силах, преподавая в Академии Генерального штаба.

В составе 8-го гвардейского стрелкового корпуса хорошо действовала 11-я гвардейская дивизия и шедший в авангарде ее 27-й гвардейский полк. Отличились многие воины этой части, особенно прославился командир стрелкового взвода 9-й роты кандидат партии лейтенант Владимир Абрамович Ионесьян. В первый день наступления при прорыве сильно укрепленного участка обороны у д. Тростянка он под прикрытием артиллерийского огня с пятью бойцами ворвался в траншею противника, вызвал замешательство среди гитлеровцев. В короткой схватке они уничтожили до полусотни солдат и офицеров, а 18 человек пленили. В бою за д. Белый Верх Ульяновского района продвижение нашей пехоты задержал пулеметный и автоматный огонь противника. В. А. Ионесьян с 7 смельчаками под ураганным огнем зашел в тыл оборонявшихся и внезапно открыл огонь. Гитлеровцы, вообразив, что их окружили, замешались в панике. Воспользовавшись этим, группа Ионесьяна уничтожила до 70 солдат и офицеров, захватила станковый пулемет. В. А. Ионесьяну было присвоено звание Героя Советского Союза. К сожалению, он не дожид до Дня Победы. В. А. Ионесьян погиб в схватке с врагом на подступах к г. Карачеву, где и похоронен.

13 июля перешла в наступление частью сил соседняя 50-я армия Западного фронта. Однако войскам генерала И. В. Болдина не удалось добиться успеха, враг имел в полосе действий армии прочную оборону, а силы у Болдина были весьма ограниченные. Тем не менее она приковала к своему участку противостоящие соединения гитлеровцев, не давая возможности совершить маневр по фронту.

На левом фланге нашей армии в полосе наступления 36-го гвардейского корпуса А. С. Ксенофонтова шли ожесточенные бои за опорные пункты Долгая, Дебри, Слободка. К исходу дня дивизии первого эшелона корпуса овладели ими. Но попытки организовать форсирование р. Вытебети и развить успех в направлении Сорокино успеха не имели.

Таким образом, за первые два дня наступления армия прорвала тактическую зону обороны, ее соединения вклинились в расположение противника на 10—25 км, разгромили 211-ю и 293-ю пехотные дивизии и нанесли сокрушительное поражение 5-й танковой дивизии.

Внимательно следил в эти дни за ходом наступления 11-й гвардейской армии генерал-полковник В. Д. Соколовский. Помнится, вечером 13 июля я доложил ему о необходимости сосредоточить с утра следующего дня огонь значительной части артиллерии против подошедших к нашему левому флангу крупных резервов противника¹⁶ с тем, чтобы с утра отразить ожидаемый контрудар этой группировки, а затем переходом 36-го гвардейского корпуса в наступление в течение дня при содействии частей 8-го гвардейского корпуса нанести ей решительное поражение. «Быстрый разгром противника на этом участке,— сказал я,— обеспечит главным силам армии возможность более высокими темпами развивать наше наступление в направлении Болхова».

Командующий фронтом внимательно выслушал мое предложение и после небольшого раздумья, обращаясь ко мне, сказал:

— Я понимаю и полностью разделяю ваше стремление при мощной поддержке артиллерии без лишних потерь в личном составе и боевой технике расправиться с подошедшими резервами немцев и обеспечить этим быстрое продвижение ударной группировки армии в заданном направлении.

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 21256, д. 7, л. 58.

Затем, как бы размышляя вслух, Василий Данилович решительным тоном произнес:

— Конечно, массированное применение артиллерии вызовет большой расход боеприпасов, но я думаю, что в сложившейся обстановке не стоит скупиться на снаряды. Они у вас будут.

Я был рад такому решению командующего фронтом.

С утра 14 июля после артиллерийского налета и удара авиации подошедшие резервы противника настойчиво стремились контратаковать из района Сорокино в направлении Дурнево, Дебри. Наши части в упорном бою нанесли гитлеровцам чувствительные потери. Большую роль в парировании контрудара врага сыграло массированное применение артиллерии. Для отражения ожесточенного натиска немецких танков кроме противотанковой артиллерии была выдвинута на прямую наводку значительная часть полковой и дивизионной артиллерии. Но в этот день особенно эффективно отбивала массированные танковые атаки противника противотанковая артиллерия. В развернувшемся кровопролитном сражении соединения 36-го гвардейского корпуса, поддержанные мощным огнем артиллерии и штурмовыми ударами фронтовой авиации, перешли в решительное наступление и, отбросив части 25-й моторизованной, 18-й и 20-й танковых дивизий с рубежа р. Вытебеть, продолжали теснить их на юго-восток в направлении на Болхов.

Советское информбюро 15 июля передало радостное сообщение: «Севернее Орла наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника по фронту протяжением в 40 километров и за три дня напряженных боев продвинулись вперед на 45 километров. Разгромлены многочисленные узлы сопротивления и опорные пункты противника. Нашими войсками на этом направлении занято более пятидесяти населенных пунктов, в том числе районный центр Ульяново и крупные населенные пункты Старица, Сорокино, Мойлово, Дудоровский, Веснины, Крапивна, Иваново, Ягодная, Еленск, Трасна, Клен»¹⁷.

Читатель помнит, что еще при планировании операции неоднократно рассматривался вопрос нанесения в ходе операции сильного удара в направлении Хотынец, чтобы перерезать основную коммуникацию орловской группировки противника — железную и шоссе-шоссейную дороги Орел — Брянск. Эта задача была весьма заманчива, не наличие крупных танковых сил врага перед левым флангом и в центре армии, а также возможность во взаимодействии с наступающими с северо-востока войсками 61-й армии Брянского фронта окружить болховскую группировку противника диктовали необходимость основные усилия по-прежнему сосредоточивать на болховском направлении. Однако, учитывая важность выхода части сил армии на железную дорогу Орел — Брянск — основную коммуникацию, связывающую орловскую группировку гитлеровцев со своим тылом, — для развития успеха в направлении Хотынец, я отдал приказ генералу П. Ф. Малышеву использовать 11-ю гвардейскую дивизию, усилив ее артиллерией и придав инженерный батальон. Преодолевая сопротивление противника, эта дивизия за два дня упорных боев продвинулась на юг на 25 км, расширив общую глубину прорыва до 50 км¹⁸.

Вечером 14 июля в моем блиндаже на наблюдательном пункте армии прозвучал звонок телефона ВЧ. Взяв трубку, я услышал голос Верховного Главнокомандующего: «Здравствуйте, товарищ Баграмян, — сказал он. — Поздравляю Вас с успехом. Как идет наступление?» Выслушав мой краткий доклад и сделав некоторые замечания, Сталин продолжал: «Ваше наступление — первое в летней кампании. Рокоссовскому стало уже легче, и он скоро нанесет удар. Главное сделано, в ходе боев произошел перелом. Имейте в виду, что за вами пойдут крупные резервы. Желаю успеха. До свидания».

В правильности этой оценки Верховного Главнокомандующего я убедился еще раз, когда в послевоенные годы ознакомился с материалами неприятельской стороны. Вот, например, что доносили в гитлеровскую ставку в своем боевом отчете штабы 9-й и 2-й танковой армий 13 июля 1943 г.: «Уже в этот день по масштабу наступления против 2-й танковой армии можно было заключить, что противник поставил своей целью

¹⁷ «Сообщения Советского информбюро», т. 5. М., 1944, стр. 26.

¹⁸ Архив МО СССР, д. 358, оп. 36812, д. 9, л. 125.

полностью овладеть Орловским плацдармом... На широком участке восточного фронта в течение 48 часов произошли коренные изменения. Центр тяжести боевых операций переместился в район 2-й танковой армии. Здесь кризис продолжает развиваться с неимоверной быстротой¹⁹. Гитлер, раздосадованный до крайности таким оборотом дела, стал искать козлов отпущения. На сей раз им стал генерал Рудольф Шмидт — командующий 2-й танковой армией, который был снят с занимаемого поста.

В этот кризисный для группы армий «Центр» момент гитлеровская ставка объединила командование 9-й и 2-й танковой немецких армий, оборонявших Орловский выступ, под руководством генерал-полковника Моделя. Это назначение не было случайным. Модель пользовался особым доверием «фюрера». В войсках его называли «львом обороны». Он развил лихорадочную деятельность, отдавал жестокие приказы, в которых требовал от действующих частей стоять до последнего человека²⁰. Но и Моделю не под силу было остановить Красную Армию. Советское командование овладело инициативой и наносило мощные удары по немецко-фашистским войскам.

15 июля на правом фланге армии соединения 16-го гвардейского корпуса с боями вышли на р. Ресету, обеспечивая основные силы армии с запада. В дальнейшем они форсировали реку и во взаимодействии с войсками 50-й армии овладели с. Клиницы. В течение последующих двух дней части корпуса расширяли плацдарм на западном берегу р. Ресеты. Задача корпуса была выполнена, и я решил его 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию перебросить на хотынецкое направление. В этот день в полосе 8-го гвардейского корпуса продолжались упорные танковые бои на рубеже р. Вытебеть. Частям корпуса во взаимодействии с 5-м танковым корпусом удалось форсировать реку и вынудить противника начать отход в юго-восточном направлении. Преследуя врага, гвардейцы генерала П. Ф. Малышева и танкисты генерала М. Г. Сахно к исходу 17 июля вышли на рубеж Реутово, Вязовая, Верх, Радомка, где встретили упорное сопротивление на заранее подготовленных позициях со стороны частей 18-й и 20-й танковых дивизий и остатков 293-й пехотной дивизии, усиленных подошедшими из района Орла крупными резервами.

На левом фланге армии введенная 15 июля на участке 36-го гвардейского корпуса в бой 5-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника И. Л. Солдатова, совершив обходный маневр с юга, во взаимодействии с 84-й гвардейской дивизией заняла д. Уколицы. При этом был наголову разгромлен 112-й полк 25-й моторизованной дивизии²¹. Продолжая успешно начатое наступление, соединения 36-го гвардейского стрелкового корпуса во взаимодействии с правогофланговыми частями 61-й армии после ожесточенных боев к утру 17 июля овладели крупным узлом обороны противника с. Кирейково. Потеряв выгодные для обороны позиции и понеся большие потери, немецко-фашистские войска в течение 17 июля отходили на Болхов. Таким образом, удачным наступлением 8-го и 36-го гвардейских стрелковых и 5-го танкового корпусов у врага была отнята возможность наносить с юго-востока удары по левому флангу главных сил армии, развивавших теперь успех наступления по всему фронту в направлении Болхова.

18 июля на направлении Хотынец был введен в бой переданный армии 25-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск Федора Георгиевича Аникушкина. Встретив упорное сопротивление перебросенных сюда из района Брянска 253-й и 707-й пехотных дивизий противника и подвергаясь непрерывным массированным ударам его авиации, корпус не смог главными силами прорваться в Хотынец. Это удалось сделать только одной его 162-й танковой бригаде, которой командовал полковник Игнатий Антонович Волынец. 19 июля бригада прорвалась на железнодорожную станцию Хотынец, где она уничтожила бронепоезд и железнодорожный эшелон, частично груженный танками, разрушила участок железной дороги. Но затем, атакованная превосходящими силами противника с нескольких направлений, вынуждена была с боями отойти на север, на соединение с корпусом. На станции Хотынец полковник И. А. Волынец был тяжело ранен. Бригаду выводил из рейда его заместитель по политчасти подполковник Н. И. Сыропятов. На обратном пути она

¹⁹ Цит. по: «История Великой Отечественной войны», т. 3. М., 1961, стр. 279.

²⁰ Там же.

²¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 9033, д. 4, л. 86.

разгромила колонну пехоты противника, а в районе Локни — штаб 76-й немецкой пехотной дивизии ²².

В результате продвижения войск 11-й гвардейской армии в расположение противника на глубину в общей сложности до 70 км под угрозой оказались основные коммуникации, связывающие всю орловскую группировку врага с тылом. Если бы последовал мощный удар со стороны Центрального фронта навстречу 11-й гвардейской армии, крупные силы немецко-фашистских войск оказались бы зажатыми в клещи. Но войска Центрального фронта вели тяжелые бои с ударной группировкой гитлеровцев севернее Курска. Угроза выхода наших войск во фланг и тыл 2-й танковой и 9-й полевой армиям вынудила генерал-полковника Моделя изъять из ударной группировки, действовавшей против Центрального фронта, три танковые и одну моторизованную дивизии и бросить их против соединений нашей армии. Это в значительной мере облегчило выполнение задачи войсками Центрального фронта в контрнаступлении. Генерал фон Бутлар пишет, что после нанесенных ударов 11-й гвардейской армии и войсками Брянского фронта Модель вывел с фронта 9-й армии несколько дивизий на усиление 2-й танковой армии. «После этого, — заключает он, — 9-я армия вынуждена была не только прекратить наступление, но и отойти на свои исходные позиции» ²³.

Генерал-фельдмаршал Манштейн, бывший командующий войсками группы армий «Юг», в воспоминаниях, носящих претенциозный заголовок «Утерянные победы», так описывает развитие событий в полосе действий своего соседа — группы армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Клюге: «11 июля противник крупными силами перешел в наступление с востока и северо-востока против 2-й танковой армии, удерживавшей Орловскую дугу ²⁴. Развитие событий на этом участке заставило командование группы «Центр» приостановить наступление 9-й армии, чтобы бросить ее крупные подвижные силы в бой на участке 2-й танковой армии» ²⁵. Далее он свидетельствует, что 13 июля на совещании в Ставке у Гитлера фельдмаршал Клюге доложил «фюреру», что он вынужден был отобрать у Моделя несколько танковых и моторизованных дивизий, чтобы ликвидировать «глубокие прорывы, сделанные русскими на трех участках фронта 2-й танковой армии, что по этой причине наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено» ²⁶.

Более подробно об этом пишут Хейнрици и Гаук: «Серьезные события развернулись на фронте группы армий «Центр». Здесь советские войска прорвали 12 июля фронт 2-й танковой армии, прикрывавшей тыл 9-й армии... Группе армий «Центр» не осталось ничего другого, как задержать переданные уже в распоряжение 9-й армии две дивизии усиления и направить их вместе с тремя другими резервными дивизиями, находившимися на Орловском плацдарме, для отражения русского контрнаступления... Дальнейшее продолжение операции «Цитадель» на фронте группы армий «Центр» стало невозможным, хотя Гитлер пока не хотел признавать этого, однако ему не оставалось ничего другого, как подчиниться воле обстоятельств. На следующий день, 13 июля, он вынужден был заявить командующим групп армий, участвовавших в проведении операции «Цитадель», о крахе этого плана и о необходимости прекратить дальнейшие действия по его осуществлению».

В заключение Хейнрици и Гаук отмечают: «С 15 июля начались частые атаки против 9-й армии группы армий «Центр», которая после передачи ряда своих дивизий 2-й танковой армии перешла к обороне своих позиций. Таким образом, Советы вернули себе инициативу не только в районе Орловской дуги, но и на других участках Восточного фронта. Операция «Цитадель» провалилась!» ²⁷.

К исходу седьмого дня боев фронт наступления нашей армии расширился более чем на 120 км и войска продвинулись в глубину обороны противника до 70 км. Правда,

²² Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 2608, л. 131—132.

²³ «Мировая война 1939—1945 гг.», стр. 213.

²⁴ Советские войска перешли в наступление 12 июля. Удары при этом наносились с севера 11-й гвардейской армией, с северо-востока — 61-й армией и с востока — главными силами Брянского фронта.

²⁵ Э. М а н ш т е й н. Утерянные победы. М., 1959, стр. 445.

²⁶ Э. М а н ш т е й н. Указ. соч., стр. 448.

²⁷ G. H e i n r i c i, W. H a u k. Op. cit., S. 590.

все резервы уже были введены в действие, но мы все же не смогли создать необходимые плотности. Между соединениями образовались большие разрывы. С выходом же на подступы к Болхову мы снова встретились с прочной обороной, которую противник занял остатками разгромленных в предыдущих боях 293-й пехотной, 18-й и 20-й танковых и 25-й моторизованной дивизий и вновь выдвинутыми из глубины резервами, а также переброшенной из района Кром 9-й танковой дивизией. А на подходе к линии фронта армии отмечались все новые и новые мощные колонны вражеских войск. Произведя перегруппировку, соединения армии с утра 19 июля возобновили наступление. Однако ожесточенные контратаки 9-й танковой дивизии, а затем подошедших сюда 4-й танковой и 253-й пехотной не могли не замедлить наше продвижение. Перевес в силах переходил к противнику. Кроме того, стал ощущаться недостаток боеприпасов. Темп наступления все более снижался.

Хорошо запомнилась мне состоявшаяся в этот день встреча с известным советским писателем Ильей Григорьевичем Эренбургом. Командный пункт армии располагался тогда в лесу близ населенного пункта Шванова. Я только что заслушал очередную доклад полковника Ф. Н. Бобкова об обстановке в полосе действий армии и ее соседей. Мои мысли были заняты поиском выхода из создавшегося положения. Эти размышления прервал вошедший комендант штаба — лихой горец, депутат Верховного Совета СССР, капитан Гучиков: «В районе штаба, — доложил он, — задержана автомашина. На ней в сторону фронта ехали два человека: оба без знаков различия. Один из задержанных назвался военным корреспондентом Ильей Эренбургом. Он требует, чтобы его провели к вам».

Мне было хорошо известно имя талантливого писателя. Газеты с его статьями являлись в ту пору лучшим агитационным материалом, зачитывались у нас до дыр. Я распорядился пригласить Эренбурга ко мне. Вскоре дверь распахнулась, и через порог со штатской неторопливостью перевалила мешковатая фигура человека средних лет. Заметно сутулясь, он не спеша зашагал к столу, устремив пристальный взгляд прямо перед собой. Изучающе разглядывая друг друга, мы сели рядом. Одет И. Г. Эренбург был в новую, чересчур просторную, хлопчатобумажную гимнастерку и галифе. На седоватой копне волос красовалась пилотка. По всему заметно было, что он не привык к военной форме и чувствовал себя в ней неловко. На мой вопрос, куда он держит путь, Илья Григорьевич невозмутимо ответил: «На передовую. Хотим своими глазами увидеть, как немцы драпают».

Для начала я предложил ознакомиться с обстановкой в полосе армии и сказал, что при удобном случае кто-нибудь из офицеров политотдела проводит его в одну из дивизий первого эшелона. Пригласив к себе начальника политотдела армии генерал-майора Д. Ф. Романова, я поручил ему оказать И. Г. Эренбургу помощь в ознакомлении с ходом наступления и подготовить его выезд в одну из дивизий 16-го гвардейского корпуса.

С Эренбургом я увиделся примерно через сутки. Он вошел ко мне очень возбужденный и, едва успев поздороваться, начал рассказывать о пребывании в частях 16-го гвардейского стрелкового корпуса. Когда он прибыл в 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию, на ее участке немецкие танковые соединения как раз начали мощную контратаку. Им удалось несколько потеснить один из наших полков, и фашистские танки с десантом автоматчиков оказались в 800 м от наблюдательного пункта командира дивизии, где уже находился И. Г. Эренбург. Он своими глазами наблюдал, как факелами горели фашистские танки, подожженные меткими выстрелами артиллеристов, как в панике бежали фашистские автоматчики. Закончив взволнованный рассказ, Илья Григорьевич удовлетворенно подытожил: «Пусть и фашисты теперь до конца познают горечь отступления! — нахмуясь сказал он. — Пусть детям своим закажут, если уцелеют, не разбойничать!»

Вскоре мирное течение беседы было прервано появлением начальника штаба армии, который принес радостную весть о вводе в сражение 11-й армии генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Федюнинского. Илья Григорьевич заторопился и, тепло попрощавшись, ушел. С этой встречи началось наше знакомство.

Планируя наступление на Орел с севера, Ставка не имела возможности своевременно сосредоточить необходимые резервы для решительного развития наступления нашей армии на орловском направлении. И только когда обозначился явный успех,

она спешно стала подтягивать в полосу действий 11-й гвардейской армии свои оперативные резервы — 11-ю общевойсковую и 4-ю танковую армии. Однако к началу ввода их в сражение они еще не были полностью сформированы и находились далеко от района, где им предстояло действовать. Все это привело к тому, что успех 11-й гвардейской армии своевременно не был развит.

Соединения 8-го гвардейского корпуса тем временем отражали непрерывные контратаки крупных сил танков и пехоты, медленно продвигаясь в обход Волхова с запада. К 24 июля они находились в нескольких километрах от единственной шоссеной дороги, связывавшей болховскую группировку врага с его базами в Брянске. Дальнейшее наше продвижение на этом направлении угрожало болховской группировке окружением, так как войска 61-й армии подходили к Болхову с северо-востока. Но противник продолжал цепляться за Болхов, стремясь задержать подольше советские войска с тем, чтобы отвести основные силы орловской группировки по коммуникациям, связывающим Орел и Брянск. В это же время передовые части 11-й и 16-й гвардейских дивизий (27-й и 46-й гвардейские стрелковые полки) наступали на Хотынец. Они прорвались к железной дороге Орел — Брянск и сумели перехватить ее, но, к сожалению, на непродолжительное время.

Таким образом, оперативная обстановка к 25 июля резко изменилась. Немецко-фашистское командование по всем признакам начало выводить свои войска из Орловского выступа. Самым уязвимым направлением для всей орловской группировки врага стало хотынецкое. Прорыв наших войск на этом направлении вел к перехвату основных путей отхода противника.

О том, как оценивало сложившуюся обстановку гитлеровское командование группы армий «Центр», в чьем подчинении находились войска Орловского выступа, пишет бывший начальник оперативного отдела штаба группы полковник Г. Гакегольц: «Довольно быстрое снижение темпа наступления нашей 9-й армии против глубокоэшелонированной здесь обороны русских не вызвало у нас особого удивления. Но мощь и пробивная сила русских ударов, начавшихся 12 июля на северном и восточном фасах Орловской дуги, явились для нас жестокой неожиданностью. Быстро развивающийся кризис на карачевском направлении, опасность потерять железнодорожное сообщение с Орлом были преодолены с большим трудом с привлечением всех имевшихся у других объединений группы армий резервов. Было просто непостижимо, что русские оказались способны так скоро и так успешно перейти в наступление летом. Нам в штабе группы армий стало ясно, что после русского наступления, начавшегося 12 июля, неизбежен провал операции «Цитадель» и что не только наступил новый поворот в ходе русско-германской войны, но и произошел окончательный оперативно-стратегический перелом на восточном фронте в пользу русских»²⁸. Это признание врага весьма знаменательно. Мы были в описываемый момент очень близки к цели — к отсечению всей орловской группировки от ее коммуникаций. Но, к сожалению, сил у нас оставалось очень мало. На Хотынец наступали лишь две ослабленные стрелковые дивизии.

Правда, в это время к линии фронта из резерва Ставки подходили соединения только что сформированной 4-й танковой армии генерал-лейтенанта В. М. Баданова. Это была грозная сила, насчитывающая, если мне память не изменяет, свыше 500 танков. Кроме того, командующий фронтом взял у нас и передал в состав танковой армии 5-й и 25-й танковые корпуса. Если бы армия Баданова нарастила наши усилия на хотынецком направлении, врагу не удалось даже с привлечением всех резервов удержать Хотынец, а затем и Карачев. Но к большому огорчению, я узнал, что командующий фронтом решил ввести 4-ю танковую армию в обход Болхова с юга. Обстановка же требовала ввода танковой армии не здесь, а на хотынецком направлении, тем более что использование танковой армии у Болхова, где противник опирался на очень прочную и глубокоэшелонированную противотанковую оборону, едва ли привело бы к успеху.

24 июля на мой командный пункт прибыли командующий фронтом генерал-полковник В. Д. Соколовский, командующий 4-й танковой армией генерал-лейтенант танковых войск В. М. Баданов и член Военного Совета этой армии генерал-майор танковых войск В. Г. Гуляев. В. М. Баданова я знал еще с осени 1941 г. по Юго-Западно-

²⁸ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1965, № 10, S. 592.

му направлению. Это был смелый опытный военачальник, возглавлявший крупные танковые соединения. Генерал В. М. Баданов стал горячо доказывать, что танковая армия сумеет прорвать оборону и разгромить противостоящую группировку противника. Поскольку командующий фронтом разделял высказанное В. М. Бадановым мнение и оно соответствовало его замыслу, было подтверждено решение: вводить танковую армию на болховском направлении с ходу. К сожалению, мне не удалось убедить В. Д. Соколовского ввести танковую армию на хотынецком направлении. Тогда я попросил дать мне несколько дней для того, чтобы подготовить ввод танковой армии в полосу действий 8-го гвардейского корпуса. Но и это мое предложение не получило одобрения.

Передав свои участки подошедшим войскам 11-й армии, наши правофланговые 31-я гвардейская и 169-я стрелковые дивизии начали выдвигаться на хотынецкое направление, где с 25 июля разгорелись ожесточенные бои. Противник, переполошившись, что железная дорога западнее Хотынца оказалась перерезанной, бросил на это направление все, что мог собрать в тылу: охранные части, саперные и автопарковые батальоны, сосредоточил значительное количество танков и артиллерии. Сюда же он подтянул из-под Харькова моторизованную дивизию «Великая Германия». 25 июля гитлеровцы нанесли контрудар по 11-й и 16-й гвардейским дивизиям, которые героически отбивали его атаки. Но ввод моторизованной дивизии решил исход дела не в нашу пользу, и 27 июля обе дивизии с упорными боями начали отходить. Только что назначенный командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерал И. Ф. Федюнькин ввел подошедшую к линии фронта 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая решительно атаковала противника. Завязались упорные встречные бои, и линия фронта все время здесь находилась в движении. И только к 4 августа она стабилизировалась на рубеже Пыраткинка, Алехино, Алисово, Изморозень, т. е. в 15 км к северу от железной дороги Орел — Брянск.

25 июля подошел, наконец, и 2-й гвардейский кавкорпус. В целях нанесения мощного удара на карачевском направлении я решил объединить 16-й гвардейский стрелковый, 2-й гвардейский кавалерийский и 1-й танковый корпуса в оперативную группу, во главе которой поставил командира 2-го гвардейского кавкорпуса генерал-майора Владимира Викторовича Крюкова. Назначение командира кавалерийского корпуса командующим столь крупной и разнородной по своему составу группой войск, к сожалению, оказалось неудачным. Лихой кавалерист, генерал В. В. Крюков был страстным поклонником своего рода войск и на пехоту смотрел свысока. Возглавив конномеханизированную группу, он по-прежнему действовал как командир кавкорпуса. Все расчеты он делал на своих кавалеристов. Единого войскового организма не получилось.

Выполняя приказ командующего фронтом, соединения 8-го гвардейского стрелкового корпуса с утра 26 июля возобновили наступление и начали медленно продвигаться вперед, чтобы облегчить условия ввода в сражение танкистов армии В. М. Баданова. В 11 часов 11-й танковый и 6-й гвардейский механизированный корпуса 4-й танковой армии, обогнав боевые порядки стрелковых корпусов, устремились в атаку.

На рубеже Прилепы, Лунево, Малая Чернь, Шумово соединения танковой армии натолкнулись на очень мощную противотанковую оборону врага. Оба корпуса стали нести серьезные потери в боевых машинах, значительная часть которых была подожжена огнем закопанных в землю танков противника и впервые появившихся на нашем фронте самоходных орудий «фердинанд», замаскированных в высокой пшенице. Утром следующего дня из-за левого фланга 6-го гвардейского механизированного корпуса был введен 30-й Добровольческий Уральский танковый корпус. Эти отчаянной смелости вчерашние уральские рабочие грозной лавиной бесстрашно атаковали вражеские позиции. Желая выиграть время для обеспечения безопасного отхода своей болховской группировки, немецкое командование бросило против войск 11-й гвардейской и 4-й танковой армий несколько сот самолетов. Несмотря на упорное сопротивление врага, нашим войскам удалось нанести существенные потери фашистам и вынудить их начать в ночь на 28 июля отход из района Болхова. Войска 11-й гвардейской и 4-й танковой армий немедленно начали их преследование, не давая противнику возможности оторваться. 28 июля в Болхов вошел 46-й стрелковый корпус генерал-майора

К. М. Эрастова из 61-й армии. В ходе этих боев болховская группировка была разгромлена: она потеряла свыше 55 тыс. солдат и офицеров, 376 орудий и очень много танков, из которых 74 были захвачены исправными²⁹.

В эти дни, когда решалась судьба болховской группировки немецко-фашистских войск, Ставка приказала передать 11-ю общевойсковую, 11-ю гвардейскую и 4-ю танковую армии, составлявшие левое крыло Западного фронта, Брянскому фронту. Объяснялось это тем, что Западному фронту, растянувшемуся на сотни километров, предстояло подготовить и осуществить совместно с левым крылом Калининского фронта Смоленскую наступательную операцию.

29 июля стал последним днем пребывания войск 11-й гвардейской армии в составе Западного фронта. Хорошо помню, что во второй половине дня на мой командный пункт, расположенный в маленьком населенном пункте Минино, прибыли командующий Западным фронтом генерал-полковник В. Д. Соколовский и член Военного Совета фронта генерал-лейтенант Н. А. Булганин, а также командующий Брянским фронтом генерал-полковник М. М. Попов и член Военного Совета этого фронта генерал-лейтенант Л. З. Мехлис.

После осуществления всех формальностей по сдаче и приему войск оба командующих решили доложить об этом по телефону Верховному Главнокомандующему. Первым докладывал В. Д. Соколовский. Он сообщил Сталину некоторые подробности о степени готовности войск Западного фронта к переходу в наступление на смоленском направлении и, воспользовавшись случаем личного разговора с Верховным, стал просить о выделении пополнения численностью 15—20 тыс. человек, в которых остро нуждался фронт. Затем трубка телефона оказалась в руках у М. М. Попова, который после доклада о приеме войск левого крыла Западного фронта сообщил И. В. Сталину об оперативных намерениях командования фронта на ближайшие дни. Маркиан Михайлович тоже не преминул воспользоваться представившимся случаем, чтобы добиться получения некоторого количества людского пополнения. Я внимательно следил за происходившими переговорами командующих фронтами с Верховным Главнокомандующим и старался в меру возможности понять, как реагирует Сталин на их доклады и какой смысл его ответов и указаний. Поглощенный этим занятием, я не заметил, как вдруг генерал Попов протянул мне трубку телефона и с каким-то волнением тихо сказал:

— Верховный будет говорить с тобой. Называй его «Ивановым», это его псевдоним.

Взяв трубку телефона, я, не без волнения, произнес:

— Товарищ Иванов! Вас слушает генерал Баграмян.

— Здравствуйте, товарищ Баграмян, — услышал я знакомый голос И. В. Сталина. После моего ответного приветствия Верховный спросил:

— Как Вы оцениваете наступление Вашей армии в операции по ликвидации Орловского плацдарма немцев? Можем ли мы в ближайший период времени рассчитывать на успешное завершение проводимой операции?

— Товарищ Иванов! 11-я гвардейская армия в наступлении добилась серьезных успехов. В целом операция по разгрому орловской группировки противника развивается успешно. Для ее завершения армия срочно нуждается в пополнении «славянами».

— Какое количество «славян» Вам нужно и куда их подать? — последовал вопрос И. В. Сталина.

Быстро прикинув в уме, какое количество пополнения потребуется на 12 стрелковых дивизий, я сообщил: «Требуется 24 тысячи человек. Прошу приказать подать их на станцию Козельск».

— Так Вы, товарищ Баграмян, твердо убеждены, что операция будет успешно завершена в ближайший период времени?

— Так точно, товарищ Иванов! — ответил я и тут же добавил, — Но для этого, повторяю еще раз, нужны «славяне». На этот раз вместо проникнутого какой-то теплотой тона, которым говорил со мной Сталин до этого, я услышал несколько раздраженный голос Верховного.

²⁹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 323, л. 164.

— Мы ведь тут самым серьезным образом занимаемся делами. Пополнение будет. Сегодня же Щаденко об этом сообщит Вам. Желаю Вам успеха.

На этом закончился мой разговор со Сталиным, он прочно вошел в мою память, содержание его я воспроизвел здесь с большой точностью. Соколовский и Попов несколько были смущены тем, что Сталин принял решение выделить для 11-й гвардейской армии такое большое пополнение людьми.

— Ну и повезло же тебе, Иван Христофорович,— говорили они.— А ведь мы слезно просили Верховного выделить нам «славян», как это ты удачно назвал пополнение, но ни одного человека он нам на дал.

Вечером 29 июля Ефим Афанасьевич Щаденко, ведавший вопросами формирования и комплектования войск Красной Армии, сообщил мне о том, что к утру 30 июля прилетит в штаб армии его представитель с планом перевозки по железным дорогам в Козельск 24 тыс. отличного пополнения из состава курсантских бригад резерва Ставки. Несколько забегаю вперед, хочу отметить, что столь оперативное решение о выделении и доставке многотысячного пополнения сыграло в последующих сражениях армии исключительно важную роль для успешного завершения Орловской операции.

В эти дни Ставка была озабочена не совсем удачными действиями 4-й танковой армии. Не успели еще убить от нас руководители Западного и Брянского фронтов, как в Минино прибыл Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Меня в это время там не было. Проводив начальство, я сразу же уехал в 16-й гвардейский корпус, где в тот момент шли ожесточенные бои по отражению контрудара немцев. В штаб корпуса сразу же позвонил член Военного совета армии генерал-майор танковых войск Куликов. Не без волнения в голосе он сообщил о приезде в Минино Г. К. Жукова и просил меня срочно вернуться на командный пункт армии. Отдав генералу Федюнькину несколько указаний, я вылетел на самолете «У-2» к себе. Во время полета дважды пришлось, уходя от «мессершмиттов», резко снижаться и садиться в лощинах. Прилетев в Минино, я тотчас же явился к Г. К. Жукову. После дружеского приветствия, он сообщил мне о цели своего приезда. Я доложил ему все обстоятельства, связанные с неудачным вводом армии Баданова в сражение. По всему было видно, что Г. К. Жуков не ожидал такого ошибочного решения на ввод танковой армии. Я воспользовался предоставившимся случаем и довольно подробно доложил о делах армии и принятых мною решениях. Помню, когда разговор коснулся роли, которую я отвел в операции генералу Владимиру Викторовичу Крюкову, Георгий Константинович, хорошо знавший его, сказал: «Володя — лихой кавалерист, достаточно опытный и грамотный командир. Но учитывая особенности его характера, тебе надо за ним зорко следить, чтобы он не преподнес бы нам какой-нибудь неприятный сюрприз». Ознакомив меня с ходом боевых действий Центрального и Воронежского фронтов, Г. К. Жуков вскоре выехал на автомашине к В. М. Баданову.

26 июля гитлеровское командование вынуждено было принять решение об оставлении всего Орловского плацдарма. Важную роль в этом сыграли разгром болховской группировки немецко-фашистских войск и угроза выхода войск 11-й гвардейской армии в районе Хотынца на основные тыловые коммуникации, связывавшие орловскую группировку немцев с Брянском. Как только был обнаружен отход немцев, войска 3-й и 63-й армий Брянского фронта, наступавшие на орловском направлении с востока, немедленно перешли в преследование. Утром 5 августа был освобожден от фашистов г. Орел. Войска Центрального фронта, перейдя 15 июля в контрнаступление, наносили главный удар по орловской группировке в направлении на Кромы. Они встретили ожесточенное сопротивление крупных сил немецко-фашистских войск. Несмотря на это, соединения фронта к исходу 30 июля продвинулись на глубину до 40 км, освободив 6 августа г. Кромы.

Теперь следует в общих чертах сказать и о том, как протекали боевые действия войск Воронежского, а затем и Степного фронтов на белгородском направлении. В своих воспоминаниях маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечает, что в результате наступления мощных сил группы армий «Юг» на Курск к исходу 11 июля на участке Воронежского фронта наступил опасный кризис в ходе оборонительной операции. В связи с этим Ставка подтянула из своего резерва в район Прохоровки и северо-западнее 5-ю гвардейскую танковую армию генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова и 5-ю гвардейскую общевойсковую армию генерал-лейтенанта

А. С. Жадова. Утром 12 июля они были введены в сражение. Здесь развернулось величайшее танковое сражение в истории войн, в котором с обеих сторон одновременно принимало участие до 1500 танков. Особенно ожесточенный характер оно носило на прохоровском направлении. В результате мощного контрудара советских войск наступление противника было окончательно остановлено. 18 июля в сражение вступили войска Степного фронта под командованием генерал-полковника И. С. Конева.

Полное крушение наступательных планов, преследовавших цель окружить и разгромить крупные силы наших войск в районе Курска, вынудило гитлеровское командование принять решение на отвод войск группы армий «Юг» на занимавшиеся ими до перехода в наступление позиции.

3 августа началась Белгородско-Харьковская наступательная операция Воронежского и Степного фронтов. 5 августа Степной фронт при содействии Воронежского после напряженных боев освободил Белгород.

На участке же, где действовала наша армия, с 31 июля фактически наступила оперативная пауза, продолжавшаяся до 6 августа. Главные же силы армии, получив пополнение людьми, готовили удар на Хотынец. Для прочного прикрытия хотынецкого направления противник соорудил три оборонительных рубежа: первый рубеж пролегал в 16—18 км к северу от Хотынца, второй — в 10—12 км, а третий — непосредственно по высотам, окружавшим город. Оборону занимали моторизованная дивизия «Великая Германия», 253-я пехотная дивизия, 18, 20, 9 и 4-я танковые дивизии. Кроме того, противник все время усиливался за счет отходивших от Орла войск. Было решено прорвать вражескую оборону на 12-километровом фронте, нанося главный удар смежными флангами 36-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов. Замысел был таков: обходом Хотынца с северо-запада и юго-востока окружить и уничтожить оборонявшуюся там группировку противника, а затем развивать наступление на Карачев.

1-й и вновь вошедший в состав армии 25-й танковые корпуса мы наметили ввести после прорыва второго рубежа обороны для развития успеха: 1-й танковый — на Хотынец, а 25-й танковый — с целью выхода на рубеж Бунино, Глазуново, чтобы с этого рубежа обеспечивать левый фланг нашей группировки от контрударов с востока. В полосе армии должен был вводиться также 30-й танковый корпус 4-й танковой армии, которому предстояло перехватить шоссе Орел — Брянск южнее Хотынца. Корпусом командовал опытный военачальник генерал-лейтенант танковых войск Георгий Семенович Родин. Нам удалось добиться глубокого оперативного построения войск армии и создать значительные тактические плотности. В первом эшелоне находились стрелковые корпуса в двухэшелонном построении, за ними танковый эшелон развития успеха, а затем — две стрелковые дивизии резерва. В первой линии на 12-километровом фронте наступало пять стрелковых дивизий, на дивизию приходилось 2,5 км. Артиллерийская плотность на 1 км фронта прорыва была доведена до 101—103 единиц. 1-я воздушная армия запланировала 600 самолето-вылетов ночных бомбардировщиков, 160 — дневных бомбардировщиков и 36 групповых вылетов штурмовой авиации.

Наступление началось в 6 часов 6 августа с разведки боем. Нами была вскрыта огневая система противника. В 12 часов развернулась мощная артиллерийская и авиационная подготовка, а через час войска пошли в атаку. Обходными маневрами был захвачен ряд населенных пунктов, превращенных в узлы сопротивления. А из Ильинского противник поспешно ретировался, узнав, что к нему в тыл вышли наши части. Во время бегства он потерял свыше тысячи человек и всю артиллерию. После прорыва первой позиции с 15 до 17 часов были введены танковые корпуса, они завершили захват всей первой полосы обороны, но перед второй полосой были остановлены сильным огнем противотанковых орудий и закопанных в землю танков.

В последующие дни соединения армии, отражая контратаки вновь введенных противником 10-й и 29-й моторизованных дивизий, прорвали второй рубеж обороны и вышли на ближние подступы к Хотынцу с севера и востока. В связи с наступлением ударной группировки армии и безуспешностью попыток нашего 16-го гвардейского корпуса продвинуться вперед я вынужден был выдвинуть для прикрытия правого фланга ударной группировки армии 217-ю стрелковую дивизию полковника Е. В. Рыжикова, находившуюся до этого в армейском резерве. Противник же для усиления своих войск в районе Хотынца ввел в ночь на 9 августа еще две дивизии (36-ю и 26-ю пехотные), подтянул сюда много артиллерии, танков и два бронепоезда.

В течение 9 августа 36-й и 8-й гвардейские стрелковые корпуса совместно с 1-м танковым корпусом успешно наступали на Хотынец, обходя его с севера и юга. Под угрозой полного окружения противник начал отступать на Карачев. К 7 часам 10 августа Хотынец был очищен от врага. А передовые части армии продолжали гнать противника, не давая ему возможности оторваться. С 6 по 10 августа было уничтожено 7,5 тыс. солдат и офицеров, захвачено свыше 70 танков и более сотни орудий³⁰. После падения Хотынца важный узел дорог Карачев оставался последним оплотом врага на подступах к Брянску. Карачев расположен в низине и окружен холмами, которые в сочетании с близлежащими населенными пунктами составляли естественную основу оборонительного рубежа противника, который гитлеровские саперы долго и тщательно укрепляли, оборудовав его хорошо развитой системой траншей.

Все три наших стрелковых корпуса наступали теперь в первой линии. На правом фланге — 16-й гвардейский, в центре — 36-й и на левом фланге — 8-й гвардейский. С утра 12 августа после короткой артиллерийской подготовки корпуса начали атаку Карачевских оборонительных позиций. Противник отчаянно сопротивлялся: бросил против нас авиацию, непрерывно контратаковал, вводя все новые и новые резервы. В ночь на 13 августа вражеская группировка была усилена 78-й пехотной дивизией, 50 танками и двумя бронепоездами. В течение 12 и 13 августа нам никак не удавалось овладеть командными высотами. Тогда 14 августа мы решили обойти город с севера и юга. И как только наметился обход флангов противника, он начал отступление. 15 августа Карачев был очищен от гитлеровцев. При освобождении Карачева отличились гвардейцы 31-й дивизии полковника И. К. Щербины, 16-й — генерал-майора П. Г. Шафранова, 84-й — полковника Г. Б. Петерса, 83-й — генерал-майора Я. С. Воробьева, танкисты 10-й гвардейской танковой бригады полковника А. Р. Бурлыги, 159-й танковой бригады полковника С. П. Хайдукова, 2-го отдельного тяжелого танкового полка полковника М. Ф. Кутузова и многие другие соединения и части. Приказом Верховного Главнокомандующего от 15 августа 1943 г. нашим 16-й, 84-й гвардейским дивизиям было присвоено почетное наименование Карачевских. В освобождении города активное участие приняли также и войска 11-й армии генерала И. И. Федюнинского.

За Карачевом мы натолкнулись на новый мощный оборонительный рубеж, имевший подковообразную форму и прикрывавший подступы к Брянску. Попытка прорвать его с ходу не удалась. Пришлось готовить войска к новой операции, и только 5 сентября этот рубеж был сокрушен. Войска 11-й гвардейской армии прорвались к Десне южнее Брянска, форсировали ее и захватили на противоположном берегу значительные плацдармы, которые сыграли важную роль в последующих боевых операциях по разгрому брянской группировки противника и освобождении Брянска.

Таким образом, 11-я гвардейская армия в течение более чем двух месяцев вела наступление, прошла с боями 227 км, освободив свыше 800 населенных пунктов. За это время противник потерял свыше 100 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, около 900 танков и 170 бронемашин, свыше 1360 орудий, 31 тыс. ручных и станковых пулеметов, около 880 минометов, свыше 1,5 тыс. автомашин и большое количество различных войсковых складов³¹. В ходе двухмесячного наступления армия фактически провела четыре наступательные операции: Болховскую, Хотынецкую, Карачевскую и Брянскую. Глубокий обход войсками 11-й гвардейской армии левого крыла орловской группировки противника оказал большое влияние на ее разгром. Этим армия отвлекла на себя значительные силы из ударной группировки противника, наносившей удар под основание Курского выступа с севера, что способствовало ускорению краха всего летнего наступления немецко-фашистских войск.

Фальсификаторы истории, тщетно стремясь умалить значение нашей победы под Курском, Орлом, Белгородом и Харьковом, пытаются представить ее как заурядную операцию, якобы ничем не выделяющуюся в ряду других. А некоторые буржуазные историки Курскую битву сравнивают с операцией по захвату острова Спидлия англо-американскими войсками. Чтобы понять, насколько неадекватно такое сравне-

³⁰ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 323, л. 223.

³¹ Там же, л. 224.

ние, достаточно напомнить, что Сицилию обороняло лишь 11 немецко-итальянских дивизий, а на Курской дуге их количество достигало 70.

Вот передо мною объемистый фолиант, до 600 страниц убогистого текста, озаглавленный «Решающие битвы второй мировой войны»³², составленный историками ФРГ Г.-А. Якобсеном и Ю. Ровером. В нем описываются 12 битв и сражений минувшей войны, но среди них не нашлось места для Курской битвы. Хотя подробнейшим образом излагаются такие малозначительные эпизоды в ходе войны, как захват немцами острова Крит в мае 1941 г., бои американцев с японцами за безвестные тихоокеанские острова Мидуэй и Лейте в 1942 и в 1944 гг., а также сражение в Арденнах в 1944—1945 гг. А ведь Курская битва по своему ожесточению и упорству не имеет себе равных. Те, кто с немецкой стороны принимал в ней участие, называли ее «последним сражением за победу Германии». Здесь, в центре России, был сломан хребет фашистской армии. После битвы под Курском они больше не делали попыток организовать наступление на восточном фронте такого крупного масштаба.

Мы победили на просторах древних Орловских, Курских, Белгородских и Харьковских земель потому, что вместе с армией на защиту Родины поднялся весь советский народ. Социалистическая экономика, советский политический строй, марксистско-ленинская идеология продемонстрировали свое полное превосходство над экономикой, политикой и идеологией фашистской Германии. Мы победили потому, что Советские Вооруженные Силы располагали прекрасным личным составом и мощным вооружением. В их рядах к этому времени выросла плеяда замечательных полководцев, появилось много опытных командиров, политических и штабных работников. В составе наших войск на Курской дуге воевали представители всех народов многонациональной Родины. Они сражались плечом к плечу и нанесли решающий и сокрушительный удар врагу, после которого он не смог уже больше прийти в себя. Мы победили потому, что во главе Советского государства стояла славная Коммунистическая партия, главный организатор и вдохновитель победы советского народа над ненавистным врагом — германским фашизмом и японским милитаризмом.

³² Н. -А. J a c o b s e n, J. R o h w e r. Entscheidungschlachten der zweiten Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1960.